

Ничто не происходит случайно:
карма — это код, который мы пишем своими выборами.
Технологии могут его прочесть,
но только любовь меняет программу.

Ева Эгория

СВЯЗАННЫЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Эгория
Связанные

«Автор»

2026

Эгория Е.

Связанные / Е. Эгория — «Автор», 2026

Эви потеряла любимого мужчину в аварии, но вместе с ней выжил его близнец. Бен похож на Ноа до боли, но ей всё труднее воспринимать его только как брата погибшего. Их влечение растёт вопреки горю, чувству вины и тайнам, которые Ноа оставил после себя. И чем сильнее их тянет друг к другу, тем отчётливее проступает память о другой жизни. Древний Рим. Арена Колизея. Император, не умевший любить без власти. И его брат, которого эта любовь обрекла на смерть. История повторяется, но теперь в неё вмешалась технология Ноа — система, способная фрагментировать память, заменять чувства и подчинять человеческую волю. Чтобы понять, кого она любит на самом деле, Эви придётся узнать, был ли хоть один её выбор свободным. Потому что любовь, лишённая выбора, может оказаться самым совершенным видом насилия. Первый том дилогии «Связанные разрушением»

© Эгория Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог 1. «Моя любовь ... твой венец ...»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ева Эгория

Связанные

Пролог 1. «Моя любовь ... твой венец ...»

*«Брат заберёт жизнь брата.
Кровь жертвы прикуёт грех к теням
И закольцует их слепую любовь в вечности»
(Кассия, Жрица Весты)*

192 год. Рим, сады Ламия. Октябрь .

Коммод

(Time – Hans Zimmer, Lorne Balfe)

Всё. Доигрался.

Я убил человека, чьей смерти желал с детства. И в одно мгновение всё, что считал смыслом жизни, рассыпалось. Власть, игры, разврат. Я зубами вырывал у Рима жалкие крохи признания и называл эти позолоченные декорации жизнью, пока мой клинок не вошёл в сердце брата.

Он не поднял оружия. Не проклял меня. Даже не испугался. Он смотрел на меня с состраданием, которое я мог бы назвать жалостью, если бы не знал Каризиана так хорошо. Только тогда я понял, что ничтожеством на этой арене был не тот, кто умирал у моих ног.

Кто ещё сможет любить меня после этого? Что теперь увидит во мне Марция? О, Марция...

Кари любил меня вопреки всему. Марция верила, что я ещё могу стать другим. Но её веру я тоже предал. Заточил в сикклу, пытаюсь сломать. Не сломал, но унизил перед всем Римом. Всё, что связывало нас, уничтожил собственными руками. Она проклянёт меня, и это будет её милосердие. Впрочем, я был проклят задолго до того, как появился на свет. Иначе как объяснить, что я вырос таким вырождением?

Широкие ступени парадной арки уходили из-под ног. Я почти падал, спотыкался на каждом шагу, на ходу срывая с себя доспехи. До дрожи хотелось избавиться от облачения, в котором я убил брата. Коринфская бронза. Рубины в глазах льва. Дар легендарного кузнеца. Теперь просто груда металла, забрызганная кровью Каризиана. У коновязи с отвращением швырнул панцирь в угол с навозом. Вороной конь забил копытом в ожидании, что я его оседлаю. Не дожждётся. Игры кончились.

Сотни взглядов впивались в затылок, но мне было всё равно. Плевать, кто что думал. Нужно было убраться из Колизея прежде, чем меня найдёт Марция. Когда-то серебро её глаз согревало меня, теперь в них останется только презрение. Расплата страшнее смерти.

Ты обманывал себя, Луций. Марции ты никогда не был нужен.

На площади за спиной уже шептались сенаторы, укрывшись в тени колонн. Всю жизнь они называли меня главной ошибкой Марка Аврелия. Впервые мне нечем было им возразить.

Прочь. Прочь из Колизея. Прочь от самого себя. Быстрее.

Рим ещё не оправился после пожара. Обугленные стены чернели между колоннами, в щелях мостовой лежал пепел, и даже осенние дожди не смогли смыть запах гари. Я старался не вдыхать глубоко.

За термами Тита на миг задержался, чтобы перевести дух. Влажный жар от нагретого камня качнулся навстречу, окутал туманной завесой и ненадолго отрезал меня от мира. Сбоку затрещал факел, и перед внутренним взором на миг полыхнули балки, сомкнувшиеся над голой огненной клеткой. В дыму возник Каризиан и прошёл мимо, даже не взглянув на меня.

К Марции. Я вдавил затылок в гладкий камень колонны, пытаюсь вытолкнуть воспоминание из головы. Но вместо этого увидел кровь на губах Кари. Багровую лужу, расползающуюся под ним. Уже ничего не исправить.

В каждой сумеречной тени мне мерещились фурии. Я ждал, что они явятся за мной раньше Марции. В нишах вдоль стен дрожали огни масляных ламп, и отражения пламени ломались в воде бассейна, под портиками тихо журчали фонтаны. В воздухе плыл тонкий аромат благовоний. Рим продолжал жить, словно ничего не произошло. Словно Каризиан вот-вот переступит порог.

Здесь он смывал с себя кровь и песок после каждого боя, окружённый толпой поклонников. Каждая его победа возвышала его, а мою славу превращала в посмешище.

Я ненавидел его за это. Ненавидел за всё, чем сам так и не сумел стать.

Под тонкой туникой вдоль позвоночника скользнул холод, под коленями стало зыбко. Я посмотрел на темнеющие сады, но не сделал ни шагу. Передо мной тряслись сенаторы и легионы, а я всё ещё боялся темноты. С детства ничего не изменилось. Тогда первым в неё входил Кари. Теперь его нет. Я заставил себя сдвинуться с места и направился к запущенному лабиринту.

«Не бойся холода без меня. Мы с тобой две звезды — навсегда рядом. Посмотри: я уже иду к ним, а ты остаёшься».

Я резко остановился. Он говорил это? Когда? Каризиан шевельнул губами уже после того, как я вогнал ему под рёбра клинок. Я не расслышал слов. Не мог расслышать за рёвом толпы и грохотом крови в висках. А потом я ушёл. Нет, сбежал. Каризиан прошептал это мне вслед? Но голос следовал за мной прямо сейчас. Из темноты. За спиной. Повсюду.

Заткнись, Кари. Это не можешь быть ты.

Сумрак сгущался, и я замер у входа. Огонь добрался и сюда. Южный край сада выгорел, дорожки припорошило сажой, но лабиринт уцелел. Я шагнул между изгородями, прижался лбом к листьям самшита и вдохнул сырой воздух. Потом отстранился, задрал голову и попытался вдохнуть ещё глубже, когда пальцы сами сомкнулись на горле. Там же, где когда-то они смыкались на горле брата.

«Молчи. Молчи. Молчи, Луций!»

Но я больше не мог молчать.

Вопль вырвался из груди, и из меня хлынуло всё, что годами копилось под золотом и багрянцем: ярость, страх и боль, которой я никогда не позволял выйти наружу. Я кричал, пока не сорвал голос, но облегчение не пришло. Вместе с тишиной, когда надломленное эхо утасло, выползло нечто куда более страшное. Крик оголил душу, сорвал с меня маски императора, гладиатора, бога — всё, чем я прикрывался от собственных страхов. Под ними остался только испуганный мальчик.

В висках снова взвился крик Марции, когда клинок с влажным хрустом вошёл в грудь брата. Кари пошатнулся, и она бросилась к нему прежде, чем его тело коснулось песка. Не боялась ни моего гнева, ни окружавших нас преторианцев, ни десятков тысяч глаз на трибунах. Упала на колени прямо в его кровь, словно меня — императора Рима — больше не существовало.

Я не приказал её оттащить. Не смог. Стоял с окровавленным мечом и смотрел, как вместе с Каризианом умирает мой собственный мир, выстроенный на лжи. Плебс не дышал. Над ареной повисло давящее безмолвие. Рим впервые увидел меня без венца, я бросил его к ногам Кари. Слышен был только плач Марции.

Кассия не издала ни звука. Она предупреждала, но я смеялся над её пророчеством. Разве богам позволено судить того, кого Рим уже назвал богом? Марция никогда не называла. Перед ней одной мне порой не удавалось удержать маску. Её волосы пахли миррой и чёрным ирисом. Я вплетал их в её венки слишком грубыми для этого пальцами, путался в стеблях, а она тихо

смеялась и помогала направить руку. Никогда не отводила взгляда, видя во мне не просто императора. Марция видела Луция. И всё же осталась.

Я любил её больше Рима, больше славы. Ради неё готов был сломать законы, разделить трон и заставить сенаторов подавиться завистью. Я почти добился своего: Египет признал наш союз.

Что толку?

Теперь я бежал от неё, как когда-то бежал за телегой, увозившей Каризиана в ночь. Память хлестнула короткими вспышками.

Отец любил одного Кари, а меня избивал за двоих.

Мои пальцы на горле брата.

Чёрная повязка, скрывающая его глаза.

И солома.

Я никогда не забуду солому, сыпавшуюся с телеги в том месте, где я успевал за неё ухватиться. Узкую полоску янтаря в щели между щекой Кари и чёрной тканью.

И...

«Моя любовь... Твой венец, Луций...»

Скрип колёс поглотил это воспоминание. Я многие годы не спал по ночам, пытаюсь сложить всю фразу. Так и не смог.

Мы были одним лицом, но отлиты из разной плоти. Я всю жизнь пытался доказать, что могу существовать без него. Отнял у Кари всё: сначала имя, потом свободу, а в конце — женщину, которую он любил. И только теперь, когда я забрал его жизнь на грязной арене, до меня вдруг дошло, что без брата венец мне не нужен.

На миг сады стихли.

Откуда-то сбоку послышался плеск воды. Тихое журчание коснулось памяти, и там, за криками и скрипом телеги, на мгновение возникло другое время. Наша с ним юность. Смех Кари. Прохладный мрамор под босыми ступнями. Я поднялся и, пошатываясь, двинулся к южному склону холма. К тому фонтану, где в мраморе навеки застыла Горгона.

Её каменные змеи сплетались в кольца, поросшие чёрным мхом. Когда-то из её оскаленной пасти била струя, а теперь лишь сочилась влага, оставляя на камне тёмные, похожие на запёкшуюся кровь подтёки. Мне и сейчас казалось, что под камнем она жива, а пустые глазницы — всего лишь уловка. Медуза смотрела сквозь меня. Сквозь пространство и время. В ту самую вечность, где кара богов для всех одинакова.

В детстве мы с братом боялись этого взгляда. По ночам прятались под одним покрывалом и шептались, что Горгона оживает, как только на Палатине гаснет последний светильник. Каризиан первым решил проверить. Вытащил меня из постели в такую же лунную ночь, провёл по подземному лабиринту и, пока я жался к стене, сунул руку прямо в её каменную пасть. Там он и обнаружил тайник.

Я опустил на корточки перед фонтаном и пальцами нащупал знакомую неровность у основания. Этот камень всегда примыкал к мрамору криво, но за годы намертво прирос к своему месту. Я поддел его обломком ветки и надавил. Палка сломалась, но камень с глухим стуком упал к ногам и раскололся надвое. В тёмной полости что-то лежало. Первым я увидел потёртый кожаный ремешок, сложенный в аккуратную петлю. Тот самый. Мой. Я мгновенно его узнал, ещё не коснувшись. Им я однажды стягивал горло брата, пока его лицо не налилось кровью. Внутри всё сжалось. Отец тогда оторвал меня от него. Хвала Юпитеру, Кари выжил.

Каризиан сохранил ремешок. От времени он высох и загрубел.

Поверх него лежали три ириса. Они поблекли, но сохранили форму и выглядели такими хрупкими, что я боялся дышать. Когда-то они были угольно-чёрными, с яркой оранжевой сердцевинкой. Такие Марция вплетала в волосы.

А рядом белел маленький гладкий камешек с выскобленной улыбкой. Рука зависла над тайником. Я не смел прикасаться к вещам брата. Казалось, что одного моего касания хватит, чтобы осквернить всё, что он сумел сохранить чистым. Но Кари оставил это не для себя. Он ждал, что однажды я всё же приду сюда. На тренировках он намекал об этом, но тогда я его не понял.

Дрожащими пальцами провёл по поверхности камешка и достал его. Тот лёг в ладонь так привычно, словно с тех пор не прошло ни года. Когда-то Каризиан не выпускал его из рук, клал под подушку, повсюду таскал с собой и с серьёзным видом называл талисманом. Он получил его от меня. Редкое доказательство, что я не всегда причинял ему боль.

На вилле в Тибуре мы были просто Луций и Кари. Не «наследник и его брат» и не два сына, которых сравнивали ещё до того, как кто-либо из нас успевал открыть рот. Там мы строили крепости из оливковых ветвей и по ночам пробирались в атрий, чтобы плескаться в имплювии, пока спали слуги. А наутро те же слуги тащили нас к отцу в таблиний.

Однажды я наступил на этот камень, поскользнулся и рухнул обратно в воду, подняв тучу брызг. Кари хохотал так громко, что разбудил весь дом.

Губы дрогнули в улыбке.

Тогда я тоже смеялся. Чтобы он замолчал, в шутку топил его, а он отвечал тем же. Мы знали, что нас накажут, и всё равно не могли остановиться.

К утру у Каризиана началась лихорадка. Меня к нему не пустили. Мать сказала, что я подхватил хворь, и весь день я бродил у двери его покоев, изводил слуг вопросами и прислушивался к каждому звуку. Чтобы занять руки, подобрал тот самый камешек и ножом выцарапал на нём глаза и кривую улыбку.

Ночью я притворился спящим, дождался, пока стихнут шаги, и в темноте, приводившей меня в ужас, прокрался к брату. Кари лежал раскрасневшийся, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу, и не спал. Я вложил камешек в его горячую ладонь и устроился рядом.

— Это я? — прошептал он, разглядывая моё ремесло.

— А кто же ещё? Ты. Когда несёшь глупости с умным лицом.

Он сжал подарок в кулаке и улыбнулся. Настоящий Кари, даже больной и неопрятный, был красивее вырезанной мной рожицы.

Воспоминание отступило, оставив после себя щемящую боль в сердце. Я снова стоял перед мёртвой Горгоной и поглаживал согретый в ладони камешек.

Не сразу заметил, что в глубине тайника осталось ещё что-то. Между камнями темнел плоский край. Кончиками пальцев я нащупал загрубевшую кожу и осторожно извлёк небольшой футляр, а ремешок и ирисы бережно переложил на край фонтана. Один сухой лепесток с хрустом отделился от стебля и бесшумно упал на мрамор. Я задержал дыхание. При мне рассыпалось нечто живое. Выдохнул, потому что внутри происходило то же самое.

Футляр был знакомым до боли. Такие мы с Кари носили на занятия к старому Юнию. В них лежали вощёные таблички, исчерченные стилосом: отрывки из Ливия, греческие склонения, наши детские жалобы друг другу о том, кто первым умрёт со скуки до окончания урока.

Но внутри не оказалось ни воска, ни грамматики. Между кожаными пластинами был спрятан сложенный лист. Я развернул его.

«Любовь терпелива. Она не завидует, не ищет своего и не хранит в памяти причинённого зла. Она переносит всё. И не прекращается никогда».

Ниже другой рукой было выведено:

«Когда один брат забывает, другой должен за двоих помнить».

Я дважды перечитал последнюю строчку. Потом ещё раз. И ещё. Буквы поплыли. В ушах зазвенело, и сад исчез вместе с почерневшей Горгоной, запахом гари и холодным мрамором.

Передо мной стоял девятилетний Кари. На его шее багровели следы от моих рук. Глаза блестели от слёз и страха, но ненависти в них не было. Он смотрел не в ожидании очередного удара. Кари ждал, что я однажды снова стану тем, кем знал меня только он.

Я помнил каждую нанесённую мне обиду. Каждый пренебрежительный взгляд отца. Каждый раз, когда мать выбирала брата. Всю жизнь берёг эти мгновения, перебирал их, как драгоценности, и называл памятью. Каризиан помнил другое. Ремешок, которым я пытался его убить. И камешек, который принёс, когда боялся его потерять. Он положил их рядом. Не потому, что любовь и жестокость значили для него одно и то же, как для меня. Кари просто не позволил себе забыть, что когда-то я тоже его любил.

В одной руке я сжимал камешек, в другую взял ремешок. Любовь и боль. Всё, что от нас осталось. Он сохранил за двоих всё то, что я всю жизнь пытался уничтожить. И если Кари до последнего хранил во мне Луция, я должен был вернуть ему Тита Каризиана Аврелия. Не гладиатора. Не предателя. Не безымянное тело, о котором Рим уже завтра забудет.

А брата императора.

Я должен вернуть ему всё. Его имя, честь и право покинуть этот мир не под рёв толпы, а свободным от позора, который принёс в его жизнь я.

Я должен был забрать его с арены.

Тёмные проходы лабиринта смотрели на меня пустыми, безжалостными глазницами. А я стоял. Не знаю, зачем. Просто стоял с этим доказательством собственной слепоты в испачканных кровью ладонях. Дрожащей рукой поднёс ремешок к губам. Сухая кожа пахла землёй и временем. Я прижал её ко рту, беззвучно молясь всем богам сразу. Не просил отпущения. Я его не заслуживал. Умолял только о невозможном: вернуться в тот день и разжать пальцы. Слёз я больше не сдерживал.

Я не услышал её шагов, но почувствовал приближение. Этот запах различил бы даже в смраде переполненного амфитеатра: тёплый янтарь, чёрный ирис и мирра. Но теперь сквозь него проступал металлический запах крови.

Краем глаза я увидел, как Марция медленно опустилась рядом. Не столько встала на колени, сколько бессильно осела в грязь. Её светлая туника была измята, испачкана песком и на груди насквозь пропитана кровью. Та же кровь засохла на её руках тёмной коркой.

Она пришла ко мне прямо от тела брата.

У меня не хватило духу повернуть голову и посмотреть ей в лицо. Её присутствие ощущалось острее клинка у горла. Ещё недавно я мечтал привести её на арену и заставить смотреть на мою победу. Доказать, что даже Каризиан не способен отнять у императора то, что ему принадлежит. А теперь боялся поднять глаза, как дитя.

Марция заметила ремешок. Резко втянула воздух, и её пальцы тут же впились мне в запястье.

— Не смей.

Она выдохнула это почти беззвучно, но я вздрогнул, словно она прокричала.

— У тебя ещё хватает совести прикасаться к его вещам?

Она потянула ремешок на себя, но я с силой сжал кулак, не позволив его забрать. Марция гневно вскинула голову, её серебряные глаза потемнели от слёз и ненависти.

— Отдай, Луций.

— Нет.

— Ты уже отнял у него всё.

Ей не нужен был ни меч, ни нож. Каждое слово медленно убивало.

— Ты отнял у него детство! Отнял свободу. Теперь забрал жизнь. Неужели тебе мало? Хочешь забрать и это?

— Он оставил всё это мне.

На мгновение мне показалось, что она не расслышала. Потом её взгляд метнулся к раскрытому тайнику. Скользнул по ирисам на мраморном краю фонтана, переместился к камешку, который я сжимал, боясь выпустить. Марция замерла.

— Что ты сказал?

Я разжал пальцы и осторожно поднёс ладонь ближе к её лицу. Того мальчика, который вырезал эту кривую улыбку, больше не было. Или всё-таки был?

— Кари оставил это мне.

Она посмотрела на камешек с такой нежностью, словно увидела перед собой лицо брата. Медленно протянула руку, но остановилась в нескольких вершках от него.

— Ты нашёл пергамент?

Я кивнул.

На её лице промелькнуло что-то знакомое, и сердце по старой привычке потянулось навстречу. Я не сразу понял, что это было. Не облегчение. Не надежда. Скорее новая боль. Из тех, что приходят, когда сбывается обещание человека, которого уже невозможно призвать к ответу. Марция закрыла глаза и протяжно вздохнула.

— Глупец, — прошептала она.

Я не понял, ко мне она обращалась или к мёртвому Кари.

— Ты знала.

Она открыла глаза.

— Да.

Она даже не напряглась. Не отвела взгляд и не попыталась оправдаться. Марция больше меня не боялась.

— Знала, что он спрятал всё это здесь?

— Я помогла ему сохранить тайник.

Я знал об их близости. Именно ею оправдывал всё, что сделал. Но кровь всё равно закипела и горячей волной ударила в голову. Пальцы снова сжались вокруг ремешка.

— И молчала?

— Таково было его желание.

— Его желание? — Я усмехнулся. Всего два слова, которые прозвучали со злостью. — Каризиан даже в покорности умудрялся заставлять всех поступать по-своему.

Марция посмотрела на меня так, словно я пнул мёртвого брата.

— Он не распоряжался тобой. Это ты отдавал приказы и решал, как нам жить. Каризиан умел ждать. В отличие от тебя.

— Чего он ждал? Смерти?

— Момент, когда ты сумеешь увидеть в этих вещах правду.

Она осторожно коснулась ремешка. Не забрала, а лишь провела пальцем по трещинкам на высохшей коже.

— Кари говорил, что первым ты заметишь именно его. Вещь, которой однажды едва его не убил. Он знал, что ты охотнее поверишь в собственную жестокость, чем в любовь, которая её пережила.

Я отвернулся.

— Не говори так, будто знала его лучше меня.

— В последние годы — знала. Лучше, чем ты способен представить.

Ревность вспыхнула молниеносно. Обжигающая, почти спасительная. Это чувство я знал хорошо. С ревностью мне было легче, чем с виной. Я резко схватил Марцию выше локтя и дёрнул к себе. Она качнулась ко мне слишком легко, но не вскрикнула и не попыталась вырваться. Вместо этого подняла подбородок и посмотрела прямо в глаза. Так близко, что я видел следы высохших слёз на её щеках.

— Ты любила его, — произнёс я.

Это не было вопросом. Марция промолчала. Я сильнее стиснул её руку, вынуждая ответить.

— Ты любила моего брата всё это время? Пока принадлежала мне?

Что-то в её лице изменилось. Это была не боль. Она и без того переполняла Марцию. Не страх. От него не осталось и следа. Исчезла последняя крупца тепла, за которую я мог бы ещё уцепиться. Внутренности лизнуло холодом настоящего одиночества, которое я всегда топил в пирах, казнях и чужой плоти.

— Принадлежала тебе? — переспросила она севшим голосом.

Я инстинктивно разжал пальцы, уколовшись об её спокойствие. Марция высвободила руку, но не отступила. Осталась на расстоянии поцелуя.

— Я никогда тебе не принадлежала, Луций.

Она упёрлась ладонью о край фонтана и медленно поднялась. Тяжело, с усилием, но без моей помощи. Впервые стояла передо мной не у трона, не у ложа и не на коленях. Лицом к лицу.

— Ты была моей наложницей.

— По твоему приказу.

— Да. Но ты жила в моём доме и спала в моей постели как равная.

— Ты не оставил мне выбора. Всё время рядом с тобой мне приходилось угадывать, какой ты хочешь меня видеть.

— Ты. Возвращалась. Ко мне. По своей воле!

Я прорычал каждое слово ей в лицо сорвавшимся голосом и возненавидел себя за то, что услышал в нём не власть, которой хотел в последний раз подчинить Марцию, а жалкую просьбу. Она отшатнулась. В серебряных глазах промелькнуло сожаление. Я всё-таки сумел причинить ей новую боль.

— Да, — сказала она. — Возвращалась.

Я замер. Остро пожалел, что заговорил, и больше не хотел слышать её правду. Она могла солгать. Сказать, что терпела меня из страха. Ради Кари. Ради своей веры, или хотя бы ради людей, которых спасала, пользуясь моей слабостью к ней. Так было бы легче. Ненависть я бы вынес. За годы правления успел к ней привыкнуть. Вынес бы даже презрение. Но Марция не позволила мне спрятаться за очередной ложью.

— Я любила тебя, Луций.

Признание в любви к брату ранило бы меньше. Эти слова я ждал. Ждал так долго! И одновременно боялся услышать.

Вот.

Услышал.

И что?

Поздно.

— Любила, когда ты приходил ко мне без охраны и оставлял свой проклятый венец за дверью. Когда почти каждую ночь просыпался от кошмаров и делал вид, что просто замёрз.

Она сжала губы, словно решая, имело ли смысл отдавать мне ещё одну правду. А затем сама сократила расстояние, приподнялась на носках, вцепилась в рукав моей туники и коснулась губами моего уха.

— Больше всего я тебя любила, когда ты вплетал ирисы в мои волосы и злился на свои грубые пальцы, не способные справиться с тонкими стебельками. Я видела человека, которым ты мог бы стать. Иногда он смотрел на меня твоими глазами.

Горло болезненно сжалось.

— Тогда почему он?

Марция на миг прикрыла глаза, а когда открыла, в них снова стояли слёзы.

— Потому что рядом с Каризианом мне не приходилось ждать, когда этот человек вернётся. Он никогда не притворялся.

Я отшатнулся, но она удержала меня за рукав, не позволяя отвернуться.

— С ним я могла дышать полной грудью. Говорить что угодно и не гадать, какое слово вызовет его ярость. Могла уйти, зная, что он не пошлёт за мной стражу. Могла сказать «нет» — и остаться любимой.

— А со мной разве было не так?

— С тобой каждое «нет» становилось изменой.

Её слова проникали внутрь медленным ядом, находя места, которые не достал бы ни один клинок.

— Ты говоришь так, будто я только мучил тебя.

— Нет. — Марция покачала головой. — Если бы в тебе было только чудовище, всё оказалось бы куда проще. Я бы возненавидела тебя в первый же день, когда ты надел на меня обруч наложницы. И нашла бы способ сбежать.

Марция провела рукой вверх по моей груди. На её пальцах засохла кровь Кари. Мне показалось, что она хочет коснуться моей щеки, как делала прежде, но ладонь замерла, не достигнув кожи.

— Ты умел быть нежным. Умел слушать. Иногда даже отпускать. А потом пугался собственной слабости и отнимал вдвое больше, чем отдавал.

Рука медленно опустилась.

— Я возвращалась не потому, что принадлежала тебе. Я возвращалась за тем Луцием, с которым росла после изгнания Кари. Каждый раз думала: ещё немного — и этот мальчик вернётся. Ещё одна ночь. Ещё одна молитва. Ещё одна часть меня.

Её губы задрожали, но она упрямо сглотнула слёзы.

— Ты забирал всё, что мог. И каждый раз спрашивал, что ещё я от тебя скрыла.

Я хотел возразить. Напомнить о власти, которую ей дал. О казнях, отменённых по её просьбе. О дверях, открытых перед ней во дворце. О Египте. О троне, которым готов был поделиться. Но теперь каждое доказательство моей любви выглядело именно тем, чем являлось на самом деле: платой за право удерживать её рядом.

— Я хотел сделать тебя императрицей.

— Ты прекрасно знал, что я хотела остаться собой. Мне нужен был ты. Не Коммод, не император и не его власть.

— Я бы отдал тебе половину Рима!

— Но не свободу.

Я вскочил так резко, что мир покачнулся. Пришлось схватиться за влажный камень фонтана, чтобы не рухнуть, и отвернуться, чтобы скрыть слабость.

— Свободу? — Я рассмеялся. — А что, Каризиан дал тебе свободу? Раб, которого продавали и выводили на арену по чужой прихоти?

— Да.

Её ответ прозвучал без колебаний, и я обернулся. Марция стояла босая в грязи, измазанная кровью моего брата. Измученная, едва удерживающая спину прямой, но всё же свободнее, чем был я.

— У него не было власти над собственной жизнью, — продолжила она. — Поэтому он никогда не считал, что вправе распоряжаться моей. Он не мог обещать мне Рим — и не обещал. Не предлагал венец. Просто оставлял место рядом с собой и позволял самой решать, занять ли его.

— И ты занимала.

— Да.

Во мне снова поднялась ярость, но теперь она не принесла привычного облегчения. За ней стояло другое: холодное понимание, от которого хотелось вывернуть душу наизнанку.

— Ты трахалась с ним, — выговорил я. — А потом возвращалась ко мне.

Марция побледнела, но не отвела взгляд.

— Возвращалась.

— Позволяла мне касаться тебя.

— Да.

— И молчала.

— Потому что знала: если признаюсь, ты превратишь мою честность в приговор.

— Моему брату?

— Всем нам.

Я шагнул к ней. Марция не шелохнулась.

— Ты молилась своему богу, когда спала со мной? — спросил я. — Просила прощения за то, что позволяла чудовищу прикасаться к себе?

На этот раз её лицо исказилось от жалости. Мне стало дурно. Марция выпрямилась и подошла ближе. Коснулась моей щеки кончиками пальцев, и на коже остался влажный след крови Каризиана. Я задержал дыхание, с болью понимая, что в её прикосновении не было никакого прощения. Это было прощание с человеком, которого она так и не дождалась.

— Я не просила прощения за любовь к тебе, Луций, — прошептала она. — Я молилась, чтобы однажды ты вспомнил себя таким, каким помнили и иногда видели тебя мы.

— Мы?

Пальцы Марции дрогнули, зрачки расширились. И я вдруг понял, что она сказала лишнее. Схватил её за запястье и тут же ослабил хватку. Больше никакой боли. Просто удержал, не позволяя унести с собой недосказанное.

— Кто — мы?

Марция посмотрела на пергамент у фонтана. На ремешок, ирисы и камешек — свидетелей любви, пережившей моё зло. И снова взглянула на меня.

— Мы с Кари.

Догадка вошла в меня ледяным остриём.

— Каризиан знал о твоём боге?

— Он верил в него.

Я отпустил её и отступил.

— Нет.

— Мы молились за тебя вместе.

— Замолчи.

— Кари верил, что в тебе ещё жив тот мальчик, который когда-то умел любить.

— Замолчи!

Мой крик отскочил от стен лабиринта и вернулся эхом, звоном отдавшись в ушах. Марция приблизилась снова. Я отступал, пока спиной не упёрся во влажную от росы изгородь.

— Даже сегодня, на арене, — сказала она, — он верил в это сильнее, чем я.

Я лишь коснулся её пальцев, и Марция застыла. Она могла отнять руку. Я ждал, что так и сделает. Но вместо этого переплела холодные пальцы с моими. Липкое тепло просочилось под кожу. Кровь брата на её ладони не высохла до конца, но теперь я чувал её внутри. Она растекалась по венам жгучей струёй, захватывала тело, пока я не ощутил, что кровь брата уже не отличить от моей.

Марция резко оглянулась, словно почувствовала за спиной чужое присутствие. Затем подалась ко мне и прижалась. Её дыхание участилось. Воздух изменился. Ремешок в другой руке дёрнулся. Именно дёрнулся, словно я держал нечто живое. Я разжал пальцы, но он не упал. Прилип к ладони.

Журчание фонтана оборвалось. Смолк ветер. Перестали шептаться листья. Я перестал слышать собственное дыхание. Сады отрезало от остального мира. Ни один звук не проникал внутрь. Ни один не выходил наружу.

Марция вжалась в меня. Я чувствовал, как под моими рёбрами колотится сердце, но только через миг понял, что это сердце Марции.

Мы были уже не одни.

— Луций

Земля ушла из-под ног.

Я попытался схватиться за что-нибудь, но пальцы прошли сквозь пустоту. Сады Ламии растворились. Исчезли фонтан, Горгона, Марция. Меня вышвырнуло в холод, проникший под кожу, до самых костей. Ледяной воздух протягивался в лёгкие тонкими нитями, хотя я не сделал ни вдоха. Кто-то пытался дышать за меня. Я не мог выдохнуть. Он вдохнуть.

Здесь не существовало ни неба, ни земли, ни времени. Я висел в пустоте вне тела и всё же чувствовал, как чудовищно раздирает грудь. Ослепительный мёртвый свет. А затем этот кто-то нашупал меня изнутри и сжал сердце.

Чужая боль взорвалась во мне так яростно, что на миг я перестал понимать, чья она. Узнал её лишь потому, что сам причинил. Мир со скрежетом раскололся, и ослепительный свет сменился золотой пылью арены. Сверху обрушился рёв тысяч глоток. Под сандалиями хрустнул раскалённый песок. В ладони снова лежал меч. Тяжёлый и скользкий от пота, привычный до отвращения.

Напротив стоял Каризиан. Без оружия.

Я знал, что произойдёт дальше. Помнил, как дрогнут его ресницы, как в уголке рта выступит кровь, как взгляд на секунду потеряет меня. Помнил даже короткую мысль между взмахом и ударом, когда я ещё мог остановиться.

И попытался.

Вцепился в собственную руку, заставляя её опуститься, но пальцы ещё крепче сомкнулись на рукояти. Мышцы свело от сопротивления. Напряг всё тело, но всё равно поднял клинок.

— Нет

Меч вошёл брату под рёбра. Но на этот раз удар принял я.

Сталь раздвинула мою плоть и с мерзким скрежетом прошла по кости. Из лёгких вышибло воздух. По животу потекло что-то горячее. Я опустил голову. Кровь. Ноги подкосились. Такую боль невозможно познать, пока держишь оружие с другой стороны.

Я падал в песок в теле Кари и над собой видел его глазами собственное лицо. Перекошенное от ярости и детского страха. Слышал толпу, жаждущую крови. Чувствовал жалость брата. Я всё же ошибся. Она оказалась невыносимой.

Хотел отвернуться, но уже смотрел на казнь взглядом Марции.

Её крик разорвал ткань арены. Она бежала к нам, путалась в складках туники, падала, снова поднималась. Беззвучно молилась, чтобы успеть. С каждым её движением я чувствовал, как внутри неё рушится мир. Как умирает надежда, которую она берегла годами.

А затем я снова оказался собой. Меч в руке. Брат передо мной.

Клинок вошёл ему в грудь. Боль. Падение. Крик Марции.

И снова арена.

Каризиан стоял напротив, ещё живой.

Я рванулся к нему, но ноги шагнули назад. Пальцы крепче стиснули рукоять. Всё повторилось с отвратительной точностью: солнечный блик на лезвии, движение его губ, тень птицы, скользнувшая над ареной.

Удар.

Боль.

Песок во рту.
Крик Марции.
Снова.
И снова.
И снова.

Время больше не шло вперёд. Оно замкнулось вокруг одной-единственной смерти и заставляло нас возвращаться к ней прежде, чем кровь успевала впитаться в песок.

Иногда я был собой.
Иногда Кари.
Иногда Марцией.
Я ненавидел.
Прощал.
Убивал.
Умирал.

Прижимал к груди тело Кари и чувствовал, как его последний вдох обжигает мне шею. А потом всё начиналось сначала.

Сколько раз? Я не знал. Сбился со счёта после десятого. Возможно, на сотом уже не кричал. Возможно, гораздо раньше. Ещё позже перестал различать, какое из тел моё.

И только тогда я заметил его.

Мужчина стоял за пределами арены. Там, где не должно было быть ничего, кроме мраморной стены и ревушей толпы. Высокий. Темноволосый. В странной чёрной одежде, прилипшей к телу, словно он только что вышел из воды. Лицо осунувшееся, измученное. На виске запеклась кровь.

Он не смотрел на меня.

Его взгляд был прикован к Кари.

Мой меч ещё только поднимался, а незнакомец уже зажмурился. Его губы беззвучно отсчитывали мгновения до удара.

Три.
Два.
Один.

Клинок вошёл брату в грудь. Мужчина дёрнулся, словно сталь пронзила и его.

Мир рухнул.

Арена возникла снова.

Он остался на прежнем месте.

Теперь я следил только за ним.

До того как Марция вскрикнула, он уже повернул голову в её сторону. До того как Кари упал, его пальцы сжались. Он уже чувствовал вес умирающего тела. Раньше. Он знал, куда брызнет кровь. В какой миг толпа замолчит. Какое имя сорвётся с губ брата.

Он знал всё.

И всё равно переживал каждый раз как впервые.

Я видел это по его лицу. Боль не притуплялась, не становилась привычной. Она уходила глубже, слой за слоем выжигая в нём что-то живое, но никак не могла уничтожить до конца.

Он был не духом.

И не богом.

Он был пленником.

Эта мысль вернула мне ясность.

Страх отступил. Не исчез насовсем. Просто застыл, как камень, уступив место странному, болезненному спокойствию. Я больше не пытался вырваться. Ждал следующего удара и смотрел, как незнакомец принимает его вместе с нами.

На очередном повторе он поднял глаза и посмотрел на меня. Прямо в глаза.

Меч завис над грудью Кари. Капля крови повисла в воздухе. Крик Марции оборвался на вдохе. Тысячи зрителей замерли с открытыми ртами и поднятыми руками, превратившись в безмолвные статуи.

Двигаться могли только мы двое.

Арена содрогнулась. По небу прошла трещина, и сквозь неё хлынул тот же ослепляющий безжизненный свет. Между нами выросла прозрачная стена.

Незнакомец приблизился.

Теперь я видел его лицо отчётливо: резкие скулы, запёкшуюся у волос кровь, воспалённые от бесконечного кошмара глаза и тонкий шрам на виске. В его чертах не было ничего знакомого.

И всё же меня передёрнуло.

Я смотрел на себя.

Тот же страх, который он называл любовью, чтобы не признать своей слабостью. Та же ярость, прикрывающая бессилие. Та же спокойная, непоколебимая уверенность человека, решившего, что лучше других знает, кому жить, кого спасти и какой ценой.

Он приложил ладонь к прозрачной преграде.

— Коммод

Моё имя прозвучало как приговор, который он повторял бесчисленное количество раз.

— Да, — ответил я. — А ты

Он коротко усмехнулся.

— Ты знаешь меня.

За его спиной вспыхнула арена. Каризиан снова падал на песок. Марция снова кричала.

Мужчина даже не обернулся.

— Я прожил твою жизнь, блядь, тысячи раз. Был тобой. Был им. Даже ею. Чувствовал всё, что вы творили друг с другом. — Он приблизил лицо к прозрачной стене. — Теперь понимаю, почему ты такое чудовище.

Я посмотрел ему в глаза. Ненависти в них не осталось. Это пугало сильнее самой ненависти.

— Ты прожил мою боль, — произнёс я. — И решил, что ты не такой же?

Его челюсть напряглась.

— Я не такой, как ты.

Где-то за прозрачной стеной что-то мерно ударило.

Раз.

Кристалльный свет мигнул и прошёл сквозь его тело.

Ещё раз.

Мужчина резко оглянулся. Прислушался. Его кто-то звал. По стеклу побежали тонкие светящиеся линии. Они сплелись вокруг его ладони, поползли по запястью, а затем проникли под кожу.

Он попытался отдернуть руку. Стена не отпустила.

— Что происходит? — спросил я.

Он снова посмотрел на меня, и впервые я увидел в его глазах страх. Перед тем, что ждало его там.

— Я просыпаюсь.

Прозрачная стена задрожала.

За его спиной появилась женщина. Она стояла в кругу белого света и прижимала ладони к стеклу, пытаясь достучаться до того, кто находился по другую сторону. Рядом мелькнул мужчина с тем же лицом. Тёмная дорога, летящая навстречу. Вспышки фонарей. Визг. Стон. Дребезг разбивающегося стекла. Кровь и лёд.

Образы наслаивались друг на друга. Вспыхивали и исчезали. Я не понимал ни одного из них. Он понимал всё.

— Ты сказал, что не такой, как я, — напомнил я.

— Не такой.

Трещины поползли между нами, разрезая его лицо на части и множа в осколках его глаза, губы, кровь на виске. Я приблизился к преграде и положил ладонь напротив его руки.

— Тогда докажи.

— Как?

Стена раскололась. Последнее, что я увидел, — его глаза.

— Проснись. И узнай, что останется от твоей любви, если ты перестанешь бояться.

Тьма уже сомкнулась между нами, когда он ответил:

— А если ничего не останется?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.